

В ноябре 1949 года исполняется десять лет со дня смерти уральского писателя Алексея Петровича Бондина (1882–1939 годы), автора романов «Лога» и «Ольга Ермолаева», повести «Моя школа» и ряда рассказов.

Нельзя сказать, что произведения А. П. Бондина не выходили за пределы Урала еще при жизни автора. Наоборот. Роман «Лога», например, печатался Гослитиздатом даже со второй частью, которая на Урале вовсе не вышла. Повесть «Моя школа» выдержала четыре издания. Причем надо отметить: А. М. Горький так высоко оценил эту биографическую повесть, что поставил ее в список тех книг о детстве, которые рекомендовал издавать массовым тиражом.

Несмотря на это, мы не можем утверждать, что творчество А. П. Бондина широко известно за пределами Урала. Причину этого, мне думается, надо искать не только в малых тиражах изданного, но и в упрощенной оценке произведений Бондина со стороны критики.

Появился новый писатель, пишет исключительно об Урале и о его людях, и критики решили измерять этого нового писателя по Мамину-Сибиряку. Одни похвалили: «Почти, как Мамин-Сибиряк», – другие укорительно заметили: «Зачем повторять Мамина-Сибиряка»? Автор, правда, пытался возразить, но авторское заявление не всегда учитывается. Так и укоренилось мнение о А. Бондине, как лишь о продолжателе Мамина-Сибиряка.

Мнение как будто не обидное, и основания для него есть: Бондин, как и Мамин-Сибиряк, пишет об Урале и его людях, но только не 80–90-х годов, а более близкого к нам времени. Поэтому Бондина и называют продолжателем Мамина, забывая, однако, что таким определением в значительной мере, если не полностью, затеняется своеобразие писателя. Между тем здесь это своеобразие настолько значительно, что приходится говорить о Бондине, как о новом человеке, впервые пришедшем в уральскую литературу.

Бондин – слесарь, токарь, рабочий-изобретатель. Большую часть своей жизни он был связан с уральскими предприятиями, но случалось ему работать и в Сормове и в Ленинграде. Свое скудное образование в городском училище Александр Петрович старался восполнить чтением книг, но мешала работа из-за куска хлеба. В силу этого по литературной вооруженности А. П. Бондин неизбежно отставал от Мамина-Сибиряка и других своих уральских предшественников. Зато у него было другое преимущество: жизнь рабочего на производстве и в семье Бондин знал не «по наслышке», не «с чужих слов», не «на основе более или менее длительных наблюдений», а как непосредственный участник этой жизни, известной ему во всех её тонкостях. Не случайно А. М. Горький поставил биографическую повесть Бондина в один ряд с самыми блестящими воспоминаниями о детстве. Производственные навыки и кровная связь с рабочим коллективом позволили А. П. Бондину в одном из его произведений подняться до технического предвидения. Роман «Ольга Ермолаева», где героиня борется за организацию многостаночного обслуживания, был написан в то время, когда еще в печати не было и разговора о многостаночниках.

Непосредственная связь с рабочим коллективом, умение думать и говорить в свойственной большинству манере позволяет Бондину внести что-то свое, простое, правдивое и очень

интересное по деталям даже в такой, казалось бы, окаменевший жанр, как «охотничьи рассказы», образцы которых даются в предлагаемой книжечке.

Свежее восприятие природы, меткое слово и новое освещение бытовых мелочей с избытком искупают литературные промахи, а такой рассказ, как «Машинка», можно считать живым художественно обобщенным документом из производственной жизни дореволюционного прошлого.